

ДИСКУССИИ

СМЫСЛОВОЙ ПОВОРОТ И ТИПОЛОГИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

1–5 декабря 2022 г. в г. Нальчик состоялась конференция «Осознать смысл, осмыслить сознание: манифест Другой философии», к ее открытию была выпущена книга с одноименным названием. Задача конференции заключалась в том, чтобы обозначить путь исследования сознания, который по праву можно было бы назвать «смысловой поворот». Хотя европейская философия за последние десятилетия «поворачивала» едва ли не во все стороны, поворота к смыслу так и не произошло; это тем более удивительно, что способность к смыслу составляет первую и, возможно, последнюю отличительную черту человеческого сознания. Другой, тесно связанной с первой, задачей конференции было зафиксировать теоретическую позицию, обосновывающую вариативность разума, наметить контуры цивилизационной типологии рациональности и поставить вопрос об универсальности сознания поверх вариативности разума. Возможность обнаружить типологическое различие рациональности в деятельности индивидуального сознания и исследовать его методами психологии высвечивает важный практический аспект смыслового поворота. Ключевые моменты состоявшихся обсуждений представлены в статьях участников дискуссии.

А.В. Смирнов

СМЫСЛ И ВАРИАТИВНОСТЬ РАЗУМА *

Смирнов Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; главный научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама». Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117196, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: public@avsmimov.info

* Работа подготовлена в рамках Соглашения между Минобрнауки РФ и Российским университетом дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии». Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Поставлен вопрос о том, что такое смысл как таковой, в отличие от смысла чего-то. Смысл как таковой задает абсолютную границу сознания, поскольку осознанным может быть только то, что имеет смысл, и наоборот: все, что включено в пределы смысла, тем самым осознано. Выдвинуто положение о несемантическом характере смысла: смысл как таковой не может быть понят в противопоставлении значению или в соотношении с тем, чему он приписывается. Смысл предложено понимать как целостность. Рассмотрены три ведущие оси разворачивания целостности: противоположение-и-объединение, единство-и-множественность, континуальность-и-дискретность. Разворачивание целостности в форме связности «что-и-какое» происходит как конкретизация каждой из трех осей целостности в соответствии с исходной интуицией. Вариативность такого разворачивания задает возможность вариативности чистого разума. Дан набросок типологии разума четырех больших культур человечества (европейской, арабо-мусульманской, индийской и китайской). Этот результат находит удачное соответствие в цивилизационной типологии разума, предложенной А.В. Парибокком.

Ключевые слова: сознание, вариативность чистого разума, целостность, связность, разворачивание, большая культура, типология разума

Для цитирования: *Смирнов А.В.* Смысл и вариативность разума // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2023. Т. 16. № 2. С. 5–17.

Что такое смысл? Не смысл в отличие от чего-то другого, например, значения; и не смысл чего-то другого, когда смысл был бы выражен конкретным высказыванием, формулой или как-то еще – но все же выражен, пусть даже утверждением о его невыразимости. Что такое смысл как таковой? Благодаря чему мы можем говорить о смысле чего бы то ни было? Что значит «осмыслить», «придать смысл» и т.п.? Благодаря чему, наконец, можно «выразить смысл»?

Несемантическая природа смысла

Все, что мы можем почувствовать, помыслить и высказать, осмысленно и потому может быть осмыслено другим. Даже о бессмыслице нельзя не говорить осмысленно, ведь бессмысленное бормотанье или бессмысленный звук, бессмысленный вид или картинка и т.п. осмысленны как таковые, как именно звук, вид, картинка и т.д.: они в нашем сознании имеют смысл, хотя бы уже потому, что мы можем говорить о них. А значит, можем *связывать* их с чем-то другим. Ведь говорить значит связывать – а не обозначать.

Знак не выражает сущности речи и не служит ее отличительной чертой, равно как не составляет отличительной черты сознания. Самый простой способ указать на это – заметить, что знак должен иметь смысл, чтобы мы могли оперировать им¹, но не наоборот: смысл не должен быть обозначен, чтобы «стать» смыслом. Собственно, «стать» смыслом ничто не может, скорее наоборот: смысл может пред-стать как значение, когда мы пользуемся знаками в попытке «передать» смысл. Но «передать» смысл можно только тому, кто уже имеет доступ к смыслу (а значит, ни о какой передаче на самом-то деле речи не идет). Знак как таковой всегда – лишь пустой значок,

¹ *Шиян Т.А.* К проблеме описания смысловых структур и смысловой деятельности в формальной математике и логике // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2023. Т. 16. № 2. С. 26–33.

ничем не отличающийся от случайного начертания или случайного бормотанья, и только если этот значок используется, чтобы «передать смысл», он становится знаком.

Но понятно, что «передать» смысл нельзя: это не посылка и не эстафетная палочка; смысл можно лишь, с большей или меньшей долей успеха, пробудить в другом сознании. Когда доступ к смыслу хотят получить с помощью бессмысленного значка, превращая его в знак, получают – значение. Значение, но не смысл. Можно сказать и так: значение – это обозначенный смысл, тем самым, в силу обозначенности, уже смыслом быть переставший, утративший свою смысловую природу и представший как некое вот-значение. Значение всегда может быть предъявлено; но не смысл. Со смыслом нельзя совершить никакой операции, нельзя сделать его объектом приложения сил, объектом некоего действия, потому что тогда смысл перестанет быть смыслом.

Зафиксируем первое положение: *смысл имеет несемантическую природу.*

Смысл как абсолютная граница сознания

Смысл ускользает, но не потому, что отсутствует; напротив, без смысла все распалось бы, превратившись в хаос бессмыслицы; даже и не в хаос, поскольку хаос сохраняет следы осмысленности (мы ведь говорим о нем), а в бездну, которая поглощает без остатка. Смысл ускользает потому, что его нельзя «схватить», предъявить, сделать предметом. Поэтому, боюсь, феноменологический проект смешивает смысл и предмет нашего внимания, смысл и конкретное содержание сознания². Феноменология ведет нас не к смыслу, а опять – к значению.

О смысле нельзя говорить так, как мы говорим обо всем остальном: все остальное должно быть осмысленным, чтобы пред-стать в нашем сознании; но не смысл: он не нуждается в том, чтобы он был осмыслен, и не может быть осмыслен. Все что угодно может и даже должно «иметь смысл», чтобы стать осознанным. Но смысл не должен иметь что-то, не должен быть обособован чем-то. И смысл не может быть осмыслен, как змея не может проглотить саму себя.

Смысл – предельная категория, за которую мы не можем заглянуть. Смысл задает абсолютную границу нашего сознания.

Таково второе положение: *смысл абсолютен, или, что то же самое, смысл задает абсолютную границу нашего сознания.*

Смысл имеет неалгоритмическую природу

Сознание и есть способность осмыслить, а способность осмыслить – и есть сознание. Другие существа, помимо человека, вероятно, сознательны постольку и именно в том отношении, в каком способны осмысливать и, следовательно, имеют какой-то доступ к связности. Эту способность можно имитировать постольку, поскольку ее можно объяснить, а значит, и машина

² Шиян А.А. Смысл как предметная целостность: феноменологический подход // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 33–39.

может «сделать вид», будто обладает сознанием, если научить ее воспроизводить человеческие действия и реакции. Более того, это в определенной степени уже реализовано. Но подражание и воспроизведение способности осмысливать никогда не станут самой этой способностью, как нарисованная абсолютная граница никогда не будет самой абсолютной границей.

Тест Тьюринга в его многочисленных вариантах проверяет способность машины подражать человеческому поведению, прежде всего речевому³, заменяя коренной вопрос о природе сознания и смысла вопросом о возможности подражать человеческому сознанию и воспроизводить его плоды. Второе совсем не обязательно будет ответом на первое: подражать можно «по-своему», идя своим путем; колесная техника не копирует способности передвижения животных, что не снижает ее эффективности; самолет или вертолет используют те же законы аэродинамики, что крыло птицы, но действуют существенно иначе. Если определяющей для природы человеческого сознания является способность осмысливать, т.е. иметь доступ к смыслу как предельной границе, доступ к смыслу как абсолютной связности, то и отвечать на вопрос «может ли машина мыслить?» (тест Тьюринга не предназначен для ответа на этот вопрос) надо соответствующим образом, проверяя ее способность к связности (а не к имитации результатов чужой способности к связности). Впрочем, это не предмет данной статьи. Для нас важно, что уже созданы алгоритмы, умеющие распознавать результаты работы алгоритмов, имитирующих работу человеческого сознания⁴. Это значит, что можно формально отличить подлинную работу сознания от ее машинной имитации и воспроизведения ее результатов. Значит, имеются принципиальные отличия в работе естественного сознания, не позволяющие спутать его с машинной имитацией, построенной на алгоритмах.

Итак, третье положение: *смысл имеет неалгоритмическую природу*. Это значит, во-первых, что сам смысл не является алгоритмом: если говорить, что сознание – это «машина смысла» (или «мыслящая машина» и т.п.), что вся деятельность сознания – это вычисление⁵, то это будет плохой метафорой, поскольку вычисления совершаются по алгоритмам, а смысл и осмысленность не таковы. Смысл полагаем (как вариант связности «что-и-какое»; подробнее об этом см. ниже), а не выстраиваем алгоритмически. Алгоритмически можно пытаться работать со значением, задавая определения понятий, правила вывода и т.п.; но не со смыслом. Значит, смысл – не алгоритм, и смысл не может быть выстроен с помощью алгоритма и вообще с помощью цепочки шагов с некоего «начала»; «алфавиты», «периодические таблицы», «матрицы» смысла и т.п. метафоры неудачны в той же степени и по той же причине, что и «машина смысла» или «машина осмысленности». И во-вторых, смысл нельзя имитировать работой машины, как нельзя ходьбой или бегом животного имитировать полет птицы. Так называемая «трудная проблема сознания»⁶ – только краешек этой невозможности, и дело тут

³ См., напр.: Copeland J. The Turing Test // *Minds and Machines*. 2000. Vol. 10. P. 519–539.

⁴ 1 февраля 2023 г. опубликовано сообщение о том, что «компания OpenAI, разработчик нейросети ChatGPT, объявила о запуске классификатора, способного распознавать текст, написанный человеком на основе сгенерированного ИИ материала» (URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/02/01/961339-razrabotchik-chatgpt>).

⁵ См., напр.: Михайлов И.Ф. *Натуральные вычисления и искусственный интеллект* // *Человек*. 2022. Т. 33. № 2. С. 65–83.

⁶ См.: Васильев В.В. *Трудная проблема сознания*. М., 2009.

вовсе не ограничивается квалиа. Смысл и значение не появятся из вычислений, если не заложены туда изначально либо привнесены извне: таков самый простой способ указать на несводимость смысла к вычислению, которое само должно быть осмысленным, чтобы стать вычислением (очевидность *re-titio principii*).

Целостность. Противоположение-и-объединение, единство-и-множественность, континуальность-и-дискретность

Возьмем самый простой пример родо-видовой целостности: род и два вида, например, «субстанция» и «смертная-бессмертная». Почему это именно целостность, а не просто отношение, структура или тому подобные привычные обозначения?

1. Род и два его вида даны сразу и целиком. Невозможно представить что-то одно без всего остального; называя или мысля что-то одно, мы тем самым мыслим и называем и все прочее. Нельзя, иначе говоря, *устранить* что-то одно, оставив прочее; и нельзя *начать* с чего-то одного, лишь затем перейдя ко всему прочему. Нет, здесь не так. Род и два его вида – нередуцируемая и исходная, изначально целостность; целостность как начало.

Значит, идея *простого начала* неверна. Начало не может быть простым: начало целостно. Если с целостности не начать, ее нельзя привести на следующих шагах, ее нельзя выстроить из элементов. Простое можно получить как редукцию целостности, но не наоборот.

2. Целостность, не будучи чем-то простым, является тем самым чем-то сложным. Сложным – но не сложенным из чего-то исходного или первичного. Сложность целостности следует отличать от сложности конструкции. Поэтому целостность – не структура, не конструкция и не что-то еще, сложенное из исходных элементов и отдельных частей.

В силу этого же целостность – не целое и тем более не свойство целого. Целое сложено из частей, тогда как целостность не сложена из чего бы то ни было, она исключает последовательное наращивание. Целое может утратить какую-то часть или какие-то части, оставаясь при этом целым, и только после некоего порогового значения перестает им быть. Например, дом с утраченной одной черепицы не перестает быть домом как целым; даже утрата крыши в результате урагана еще не разрушает дом. Мы говорим, что дом как целое утрачен, если его нельзя восстановить после частичных разрушений; и так с любым целым. Но целостность либо имеется вся целиком, либо отсутствует вся целиком; она не приемлет частичности.

3. Смертное и бессмертное противоположны друг другу и связаны взаимным отрицанием. Но вместе с тем само это противопоставление возможно только и исключительно потому, что служит внутренним делением субстанции. Только потому, что противоположности объединены тем, что снимает их противопоставление, они могут отрицать друг друга. Такого типа противопоставление внутри объединения – целостность, оно служит ее разворачиванием. Поэтому противопоставление-и-объединение будем писать через дефис, подчеркивая его целостностный (укорененный в целостности) характер.

4. Смертное и бессмертное – множество, тогда как субстанция – их единство. Сколько бы мы ни представили «носителей» смертности и бессмертия, они не перестанут быть едины как субстанция. Различаемые

и умножаемые как носители смертности и бессмертия, они все неразличимы и едины как субстанция. Единство-и-множественность – другое именование целостности и возможны только как целостность.

Таким образом, противоположение-и-объединение и единство-и-множественность – первые развертки целостности.

5. Смертность противоположна бессмертию: субстанция не может быть сразу и смертной, и бессмертной. Откуда нам это известно? Конечно, не из опыта, по очевидным основаниям. Мы знаем это именно и исключительно потому, что таковы свойства целостности. Мы представляем род и два вида пространственно, как некий ограниченный объем (или ограниченную фигуру на плоскости), поделенный на две части (по числу видов; их может быть сколь угодно много). Такая пространственная визуализация делает для нас очевидным, что нельзя одновременно находиться в обеих частях этого пространства; точно так же очевидно, что любая единичная субстанция непременно окажется в одном, и при этом – только в одном из отделений этого пространства (ей просто «некуда деваться» – так устроена целостность, визуализированная пространственно). Законы тождества, противоречия и исключенного третьего вытекают именно и исключительно из свойств целостности – в той ее пространственной развертке (как противоположение-и-объединение и единство-и-множественность), которую мы представляем как «естественную» визуализацию простейшей родо-видовой целостности. Конечно, ничего естественного в смысле «природного» или «обусловленного строением мозга» здесь нет; это естественно в том смысле, что привычка к такой визуализации привита нам той большой культурой, в которой мы социализировались. Это естественность культурная, а не природная.

Мы не говорили ни о чем, что требовало бы обращения к «внешнему миру». Сказанное определено исключительно свойствами целостности, которые априорны и задают принципиальный способ функционирования нашего сознания.

6. Внутреннее деление субстанции может сколь угодно усложняться, но оно никогда не пересечет внешних границ, заданных субстанциальностью. Сказать «Пётр – субстанция», «Пётр – смертная субстанция», «Пётр – смертная разумная субстанция» – значит сказать одно и то же. Но вместе с тем – и не одно и то же, поскольку эти три высказывания последовательно разворачивают исходную целостность. Следовательно, разворачивание целостности, ее усложнение не создает инаковости: наши три высказывания неинаковы в отношении друг друга, как неинаков Петр в отношении самого себя. Сказанное *иначе* оказывается *тем же*. Эта возможность *то же иначе* задана и обеспечена целостностью. Осуществление возможности *то же иначе* и есть разворачивание целостности.

Можно сказать и так: целостность возможна только как *то же иначе*. По-другому и не может быть, коль скоро целостность, будучи сложной, исключает сложность и наращивание, исключает инаковость, полагая и предполагая бесконечную возможность различения. Различенность без инаковости возможна только и именно как *то же иначе*. И если целостность – императив нашего сознания, то то же самое относится к *то же иначе*.

7. Сколько бы мы ни делили субстанцию, как бы ни наращивали ее внутреннюю сложность, мы никогда не получим единичного носителя предикатов («первой субстанции» Аристотеля). Точно так же нельзя получить точку

делением отрезка: делимый до бесконечности, отрезок всегда останется отрезком и не превратится в точку. Непрерывность и ее разрыв, континуальность-и-дискретность – вот с чем мы имеем дело. Единичное, разрывающее непрерывность, возможно только благодаря этой непрерывности: точка невозможна, если нет линии, и не случайно обнаруживает себя там, где пересекаются две линии. Непрерывность и ее прерывание невозможны отдельно друг от друга, но несводимы одна к другой. Мир и субъектность невозможны друг без друга, но они несводимы друг к другу. Вывести одно из другого невозможно, их можно взять только как целостность. Тогда оказывается, что известная дилемма «что первично?..», получившая название основного вопроса философии, ложна: материальное и идеальное, мир и субъектность, непрерывность внешнего материального, объективного и точечность субъектности, разрывающей эту непрерывность и не встраивающейся в нее, – целостность, а не два полюса, связанные причинным отношением (и не две параллельные субстанции).

Вещь как связность «что-и-какое»

Если целостность (т.е. смысл) – абсолютная граница нашего сознания, мы не можем нарушить ее ни в каком смысле. Самое простое и очевидное: мы не можем выйти за ее пределы, не можем попасть в бессмыслицу, поскольку абсолютную границу можно только раздвинуть (целостность разворачивается бесконечно), но не пересечь. Но и другое, не столь очевидное, однако не менее императивное: абсолютную границу нельзя нарушить и в том смысле, что никогда и ни в чем нельзя быть свободным от нее. Куда бы мы ни двигались, как бы ни разворачивали целостность, она остается с нами во всем, что составляет содержание нашего сознания.

Вещь: то, на что направлено наше сознание. Мы никогда не воспринимаем чистые качества, и проблема квалиа заводит нас на ложный путь:любое качество всегда имеет своего носителя, и сознание, как оно исследовано в европейской философии, не может действовать иначе. Значит, вопрос не в том, как нам узнать, «что такое красное» (вопрос поставлен неверно, и у «красного» попросту нет «что»). Вопрос в том, как узнать, что такое «красный шар» или «шар – красный». Иначе говоря, как нам узнать, как возможна связность качества и его носителя, благодаря которой возможны оба: ни квалиа, ни их носители не мыслимы и не возможны иначе, нежели как *связность*⁷. Вещь всегда – «что-и-какое», где эти две стороны нерасторжимы, но и неслиянны. Значит, проблема сознания не в том, чтобы выяснить, как возможно «красное» и что оно такое; проблема сознания в том, чтобы выяснить, как возможна связность любого «что-и-какое»: только это позволит прояснить как природу того, что мы называем квалиа, так и природу их носителей, равно как природу высказывания, приписывающего носителю качества его качество.

⁷ Витгенштейн фактически говорит об этом, когда утверждает, что «пятну в поле зрения не обязательно быть красным, но оно должно иметь какой-то цвет – оно включено, так сказать, в цветовое пространство», и точно так же нота непременно имеет какую-то высоту, объект осязания – некую твердость (*Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 6 (2.0131)*). «Факты» и представляют собой систему связностей «что-и-какое».

Вещь как связность «что-и-какое» всегда погружена в целостность, поскольку любое «какое» принадлежит целостности, разворачивающейся как противоположение-и-объединение. Значит, полагать связность «что-и-какое» наше сознание может, если оно способно *полагать субъектность на целостности*: если оно способно, во-первых, полагать красноту субстанции как дихотомически противоположенную ее не-красноте в общих для этих двух пределах цвета и, во-вторых, полагать субъекта-носителя красноты. Метафизика субстанции служит развитием и философской рационализацией этой способности полагания связности «что-и-какое» при определенном понимании целостности, которое в данном случае опирается на пространственную интуицию. Субстанциальность сознания не в том, что оно следует субстанциальной метафизике (оно может оказаться субстанциальным, даже если человек никогда не слышал о какой-либо метафизике, и оно уже было субстанциальным до того, как была изобретена метафизика субстанции), а в том, что оно следует определенной процедуре полагания вещи как связности «что-и-какое» на основе пространственной интуиции целостности.

Множественность логик смысла и вариативность разума

Пространственная интуиция – не единственная, к которой способно наше сознание и опираясь на которую оно может разворачивать целостность. Интуиция протекания, на основе которой арабо-мусульманской большой культурой развит процессуальный вариант рациональности⁸, задает целиком другое прочтение тех же базовых осей разворачивания целостности: противоположение-и-объединение, единство-и-множественность, континуальность-и-дискретность. Как минимум еще две интуиции предстоит обнаружить как обосновывающие те варианты разума, что лежат в основании южноазиатской (индийской) и дальневосточной (китайской) больших культур.

Сознание принципиально свободно в выборе исходной интуиции полагания целостности. Это положение нуждается в двух оговорках. Во-первых, выбор предполагает осознанность вариантов, а значит, отказ от догматической веры в универсальность того варианта, что развит европейской большой культурой, и экспликацию других вариантов рациональности. Во-вторых, выбор предполагает свободу и равное отношение к вариантам, между которыми предстоит выбирать. Между тем любая большая культура, в которой социализируется человек, прививает ему почти неистребимую привычку применять «по умолчанию» тот вариант рациональности, на котором эта большая культура построена, и выводит прочие варианты из области сознательного выбора. Это как родной язык, который обычно «заслоняет» от нас языки выученные, неизменно выходя на первый план и оттесняя прочие, так что нужны специальные усилия, чтобы избавиться от этого давления приоритетного языка.

Однако никакое сознание не может быть свободно от того или иного варианта полагания целостности и, далее, полагания субъектности на этой целостности, благодаря чему наше сознание способно к полаганию «что-и-

⁸ Подробнее см.: *Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М., 2021.

какое». Быть свободным от этого не может никакое человеческое сознание, взятое в том виде, в каком мы его знаем: как сознание человека, социализировавшегося в той или иной большой культуре и благодаря ее практикам усвоившего такие процедуры как нечто само собой разумеющееся и применяемое как будто автоматически, без того, чтобы задумываться об этом. Другой вопрос – можно ли благодаря специальным приемам до какой-то степени устранить влияние этого императива нашего сознания (полагание субъектности на целостности) и привести сознание в некое иное, нежели известное нам по обыденному опыту, состояние? Мистические, аскетические и иные подобные практики, вероятно, дают возможность сделать это; вряд ли, однако, они могут вывести сознание за его абсолютную границу – за границу смысла как целостности.

Если я освоил езду на велосипеде, доведя ее навыки до автоматизма, это не значит, что я одновременно не способен водить автомобиль или управлять самолетом. Сознание носителя европейской большой культуры, натренированное в субстанциальной логике полагания смысла как целостности на основе пространственной интуиции и вещи как связности «что-и-какое», погруженной в такую целостность, не утрачивает способности к другим логикам смысла. Они вытесняются европейской большой культурой на периферию сознания, но не могут быть устранены вовсе, поскольку человеческое сознание не может утратить способности к полаганию целостности. Работы В.К. Солондаева и его коллег⁹ экспериментально удостоверяют это: носители нормативной субстанциальной логики не теряют способности мыслить с применением процессуальной логики, а выбор в пользу той или иной у разных групп варьируется в зависимости от различных условий. Если удастся расширить список логик смысла, привлекаемых к таким исследованиям, это даст новые результаты.

Это первое: нормативность одной логики смысла в той или иной большой культуре не исключает восприимчивости ее носителей к любым другим логикам смысла. И второе: основываясь на сказанном, мы имеем возможность дать предварительный чертёж вариативности логик смысла и, соответственно, их разворачивания как вариантов разума. Смыслополагание – категория более широкая, чем разум, и вариативность логик смысла определяет вариативность разума, но не наоборот.

Как и А.В. Парибок¹⁰, я полагаю, что мы можем говорить о сформировавшихся и проявивших себя в истории человечества на протяжении последних трех тысяч лет четырех логиках смысла и, соответственно, о четырех больших культурах: европейской, арабо-мусульманской, южноазиатской (индийской) и дальневосточной (китайской)¹¹. Любая из логик смысла

⁹ См., напр.: Солондаев В.К., Иванова Н.В. Естественная установка сознания: схема универсальности и схема переживания // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2023. Т. 16. № 2. С. 40–46; Солондаев В.К. Процессуальная логика в практике помощи детям: анализ случая // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2022. Т. 15. № 4. С. 43–53.

¹⁰ Парибок А.В. Сверхкраткие тезисы о языковых аспектах теории цивилизационно-специфичной рациональности // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2023. Т. 16. № 2. С. 54–61.

¹¹ Эти названия – чистая условность, поскольку ни география, ни этничность ничего не говорят о способах полагания смысла. Нельзя признать удачным и именование логик смысла по типу метафизики, порождаемой ими, которым я пользуюсь в настоящее время, говоря о субстанциальной и процессуальной логиках смысла. Адекватным было бы

задается той исходной интуицией, которая определяет способ полагания трех базовых разверток целостности: противоположение-и-объединение, единство-и-множественность, континуальность-и-дискретность. Понимание этих категорий, равно как понимание способа задания связности «что-и-какое», будет определяться исходной интуицией.

Профессиональные логики, считающие свою науку универсальной, исходят из того, что символическое исчисление, основанное на введении знаков, способно выразить любые значения¹², следовательно, в силу своего строгого характера символическая логика более универсальна, чем то, что я называю «логика смысла». Эта позиция разделяется многими. Конечно, было бы очень удобно, если бы в нашем распоряжении оказалось универсальное средство, позволяющее вводить символическое обозначение чего угодно, ранее не обозначавшегося, и строго работать с полученными знаковыми системами. Но ведь обозначить можно только то, что уже понято; знак обозначает то, что уже имеет смысл, причем определенный (а не какой угодно) смысл. Что толку, скажем, заменить связку «есть» в высказывании «S есть P» каким-то значком, если мы не понимаем, как связка действует и *что она значит*¹³? ведь слишком легковесны объяснения вроде того, что связка «просто связывает» субъект и предикат или «просто показывает», что предикат приписан субъекту. Вопрос ведь в том, откуда мы знаем, что два рядом стоящих слова не «просто» стоят рядом, а *связаны* в высказывание или в субъект-предикатную конструкцию. Разве кроме логики смысла предложена другая теория, разъясняющая, что такое связочная функция? Допустим, что мы имеем дело с разными типами языков, где связочная функция осуществляется принципиально различным образом, как в русском (и других европейских) и в арабском. Разве введение знаков поможет понять это? И разве оно ответит на вопрос: стоит ли за этим различием языков различие способности суждения? Кант считал ее инвариантной; но если она вариативна, разве можно это установить с помощью введения знаков? Или же (скорее) наоборот: релевантные знаки могут быть введены только после того, как мы это установим и проясним во всех деталях? Значит, надо поступить обратным образом: сперва понять, а потом уже обозначить. Следовательно, логика смысла открывает символической логике новые горизонты и составляет основание для использования знаков, а никак не наоборот.

Это первое. И второе: введение знаков не является однозначной процедурой. Поскольку любой знак должен иметь смысл, а смысл можно иметь в различных системах смыслополагания, а значит, иметь его по-разному, то и знаки вводятся существенно различными процедурами. Не уверен, что это учитывает современная логика, хотя на это ясно указал основатель учения

называть логики смысла по той интуиции, что лежит в их основании, как пространственная – в основании субстанциальной и интуиция протекания – в основании процессуальной логики. Выработать такие устойчивые и вместе с тем удобные наименования – дело будущего.

¹² Карпенко А.С. Логика символическая // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6896> (дата обращения: 20.11.2022); Шалак В.И. Об истоках множественности логик // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 88–97.

¹³ Если сказать, к примеру, что «шар есть красный» означает, что существует хотя бы один объект сферической формы, принадлежащий множеству «красного», вопрос останется, поскольку нужно будет объяснить, что значит «принадлежать множеству» и «существовать». Переформулировка проблемы не служит ее решением.

о знаках. Описав ставшую теперь уже привычной процедуру задания значения (то, что сейчас называют «семантический треугольник»), он добавил: «Однако не стоит пренебрегать другими примерами: первое есть действующий, второе – претерпевающий, а третье – действие, которым первое влияет на второе; между началом как первым и концом как последним происходит процесс, который ведет от первого к последнему»¹⁴. Пирс удивительно прозорливо угадал ту парадигму, которую можно считать определяющей для процессуальной логики смысла, лежащей в основании арабо-мусульманской большой культуры. Угадал, но не разработал это направление. Только тогда введение и использование знаков станет осмысленным и, следовательно, управляемым, когда будет поставлено в контекст смыслополагания.

Список литературы

- Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л. Философские работы.* Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 5–73.
- Карпенко А.С. Логика символическая // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6896> (дата обращения: 20.11.2022).
- Михайлов И.Ф. Натуральные вычисления и искусственный интеллект // *Человек.* 2022. Т. 33. № 2. С. 65–83.
- Парибок А.В. Сверхкраткие тезисы о языковых аспектах теории цивилизационно-специфичной рациональности // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2023. Т. 16. № 2. С. 54–61.
- Пирс Ч.С. Принципы философии. Т. II / Пер. с англ. В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 313 с.
- Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 445 с.
- Солондаев В.К. Процессуальная логика в практике помощи детям: анализ случая // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2022. Т. 15. № 4. С. 43–53.
- Солондаев В.К., Иванова Н.В. Естественная установка сознания: схема универсальности и схема переживания // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2023. Т. 16. № 2. С. 40–46.
- Шалак В.И. Об истоках множественности логик // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2022. Т. 15. № 4. С. 88–97.
- Шиян А.А. Смысл как предметная целостность: феноменологический подход // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2023. Т. 16. № 2. С. 33–39.
- Шиян Т.А. К проблеме описания смысловых структур и смысловой деятельности в формальной математике и логике // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2023. Т. 16. № 2. С. 26–32.
- Copeland J. The Turing Test // *Minds and Machines.* 2000. Vol. 10. P. 519–539.

¹⁴ Пирс Ч.С. Принципы философии. Т. II. СПб., 2001. С. 64.

Sense positing and plurality of reason*

Andrey V. Smirnov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; “Purushottama” Centre for Indian culture and philosophy studies, RUDN University. 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: public@avsmirnov.info

The article addresses the following question: what is sense (*smysl*) as such, not to be confused with the sense of something. The sense as such sets the absolute limit for human consciousness, since we can be conscious only of that which makes sense, and, vice versa, what makes sense is part of our consciousness. Sense is devoid of semiotic nature, for sense as such cannot be conceptualized as something opposed to meaning or related otherwise to it or to anything denoted. Sense is a *tselostnost'* (integrity). Three basic axes for sense development are discussed, that is, opposition-and-integration, unity-and-multiplicity, continuity-and-discreteness. The development of *tselostnost'* (integrity) as the “what-and-such” *svyaznost'* (linkage and coherence) may vary depending on the initial intuition of *tselostnost'*, laying down the basis for variations in pure reason. The author delineates a contour of the four types of pure reason developed by the four big cultures (European, Arab-Muslim, Indian and Chinese). This typology finds a sound parallel in the civilizational typology of reason proposed by A.V. Paribok.

Keywords: consciousness, variability of pure reason, *tselostnost'* (integrity), *svyaznost'* (linkage and coherence), development, big culture, typology of reason

For citation: Smirnov, A.V. “Smysl i variativnost' razuma” [Sense positing and plurality of reason], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 5–17. (In Russian)

References

- Copeland, J. “The Turing Test”, *Minds and Machines*, 2000, Vol. 10, pp. 519–539.
- Karpenko, A.S. “Logika simbolicheskaya” [Symbolic logic], *Gumanitarnyi portal* [<https://gtmarket.ru/concepts/6896>, accessed on 18.11.2022]. (In Russian)
- Mikhaylov, I.F. “Naturalniye vovichisleniya i iskusstvenniy intellekt” [Natural Computations and Artificial Intelligence], *Chelovek*, 2022, Vol. 33, No. 2, pp. 65–83. (In Russian)
- Paribok, A.V. “Sverhkratkie tezisy o yazykovykh aspektah teorii zivlizacionno-spezificheskoi razionalnosti” [Super-concise theses of the theory of civilization-specific rationality], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 54–61. (In Russian)
- Peirce, Ch.S. *Printsipy filosofii* [Principles of Philosophy], Vol. II, trans. by V.V. Kiryushchenko and M.V. Kolopotin. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2001. 313 pp. (In Russian)
- Shalack, V.I. “Ob istokakh mnozhestvennosti logik” [On the origins of logical pluralism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 88–97. (In Russian)
- Shiyan, A.A. “Smysl kak predmetnaya tselostnost': fenomenologicheskii podkhod” [Sense as an objective integrity: a phenomenological approach], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 33–39. (In Russian)
- Shiyan, T.A. “K probleme opisaniya smyslovykh struktur i smyslovoi deyatel'nosti v formal'noi matematike i logike” [On the problem of describing semantic structures and

* The article was prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation and the RUDN University No. 075-15-2021-603: “Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions”. This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

- semantic activity in formal mathematics and logic], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 26–32. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglazheniye k razmyshleniyu* [Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness (an Invitation to Discussion)]. Moscow: YaSK Publ., 2021. 445 pp. (In Russian)
- Solondaev, V.K. “Protssessual’naya logika v praktike pomoshchi detyam: analiz sluchaya” [Process logic in the practice of pediatrics care: a case study], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 43–53. (In Russian)
- Solondaev, V.K. & Ivanova, I.V. “Estestvennaya ustanovka soznaniya: skhema universal’nosti i skhema perezhivaniya” [Natural attitude of consciousness: the scheme of universality and the scheme of experience], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 40–46. (In Russian)
- Vasilyev, V.V. *Trudnaya problema soznaniya* [Hard problem of consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2009. 272 pp. (In Russian)
- Wittgenstein, L. “Logiko-filosofski traktat” [Tractatus Logico-Philosophicus], in: L. Wittgenstein, *Filosofskiye raboti* [Philosophical Works], Part I, trans. by M.S. Kozlova and Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 5–73. (In Russian)